

ТЕОРИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МИРОХОЗЯЙСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ

DOI: 10.48137/26870703_2023_22_2_72

Руслан ДЗАРАСОВ

МЕСТО РОССИИ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ, ИНВЕСТИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Дата поступления в редакцию: 11.05.2023.

Для цитирования: Дзарасов Р. С., 2023. Место России в мировой экономике, инвестиции и инновации в эпоху цифровизации. – Геоэкономика энергетики. № 2 (22). С. 72-99. DOI: 10.48137/26870703_2023_22_2_72

В статье поднимается коренной для современной России вопрос о влиянии места страны на мировом рынке на экономическое развитие. В качестве методологической основы анализа используется мир-системный подход, делающий акцент на доминирование развитых стран (центра) над развивающимися странами (периферией и полупериферией). На основе большого массива эмпирических данных авторы показывают такие неблагоприятные последствия полупериферийного положения страны в мировой экономике, как структурные сдвиги в пользу добывающей промышленности за счет обрабатывающей, невысокий уровень и низкое качество производственных инвестиций отечественных предприятий, слабая заинтересованность российского бизнеса в инновациях и цифровизации экономики. Делается вывод о том, что в условиях беспрецедентного санкционного давления на Россию перед ней открывается возможность вырваться из пут невыгодных мирохозяйственных связей.

На заре рыночных реформ в России считалось, что капитализм сам по себе, как система частного предпринимательства, обеспечивает внедрение технического прогресса, высокие темпы экономического роста и повышение

ДЗАРАСОВ Руслан Солтанович, доктор экономических наук, профессор департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве РФ. Адрес: Российская Федерация, г. Москва, 125993, Ленинградский пр-т, д. 49. E-mail: dzarasovr@gmail.com. SPIN-код: 4232-1066.

Ключевые слова: мир-системный подход, экономический рост, инвестиции, инновации, цифровизация.

ние уровня жизни населения. Не в последнюю очередь такие представления вытекали из уверенности в том, что частное предпринимательство всегда заинтересовано в повышении производительности труда. Это убеждение было основано на опыте развитых капиталистических стран, стоящих в авангарде технического прогресса.

Однако реалии трех десятилетий постсоветского развития бывших республик СССР, включая Россию, противоречат такому оптимистическому представлению. Не секрет, что практически все экономики постсоветского пространства испытали не только беспрецедентный для мирного времени индустриальный спад в 1990-е годы, но и глубокий упадок обрабатывающей промышленности. Особенно печальна деградация машиностроения, т. е. отрасли, определяющей технический прогресс во всей национальной экономике.

Эти неблагоприятные структурные сдвиги сохранились и после начала экономического роста в 2000-е годы. Зависимость от экспорта сырья, энергоресурсов и другой продукции с низкой степенью передела стала источником особенной уязвимости постсоветских государств, включая Россию, от мирового экономического краха 2008–2010 гг. и последовавшей «великой стагнации». Даже когда будут преодолены экономические последствия глобальной пандемии, структурная уязвимость постсоветских экономик, низкие темпы внедрения технического прогресса в этих странах продолжат подрывать перспективы экономического развития нашей страны.

Одним из важнейших факторов, определивших негативные тенденции в развитии постсоветских стран, является то место, которое они заняли на мировом рынке. Известно, что оно связано с незавидной ролью поставщиков сырья и энергетических ресурсов, металлов, минеральных удобрений и другой продукции с низкой степенью передела. Это сделало постсоветские экономики особенно уязвимыми к внешним шокам, таким как спад мировой экономики. Связь технического прогресса со структурой мировой экономики – это проблема, которая в свое время не была принята во внимание авторами радикальных рыночных реформ. Это обстоятельство имело самые негативные последствия для их развития. В современных условиях беспрецедентные экономические санкции, наложенные на Россию в связи с обострением геополитической ситуации, делают данную проблему особенно острой.

Центр мировой экономики, ее периферия и проблемы развития

На взгляд автора, связь проблем развития, включая технический прогресс, уровень жизни и темпы роста, с положением страны в мировой экономике наиболее адекватно выражает так называемый мир-системный подход. Среди его представителей такие известные интеллектуалы, как Фернан

Бродель, Иммануил Валлерстайн, Андре Гюндер Франк, Джованни Арриги, Самир Амин и ряд других. Их позиция противостоит неолиберальной картине мирового рынка как направляемого свободной конкуренцией, в которой выигрывают те, кто с наименьшими издержками удовлетворяет спрос. Мир-системный подход отличает взгляд на мировой капитализм как на иерархическую систему, в которой центр (развитые страны) господствует над периферией (развивающиеся страны).

Выводы данной школы покоятся на тщательных исследованиях истории мирового капитализма. Анализируется накопление капитала в мировой системе, основанное на неравноправных экономических отношениях центра и периферии мирового хозяйства [Frank, 1978]. Утрата не только экономической, но и политической независимости стран периферии была необходимым условием этого неравноправия. Таким образом, принуждение лежало в основе накопления капитала в мировом масштабе. Известный английский историк Э. Хобсбаум отмечает в связи с этим тесную связь индустриальной революции и создания Великобритании как крупнейшей в истории колониальной империи. Он полагал, что британские «экспортные отрасли не зависели от скромных “естественных” темпов роста внутреннего спроса какой-либо страны». Стремительный подъем английской индустрии обеспечивался «двумя основными средствами: захватом экспортных рынков ряда других стран и разрушением внутренней конкуренции в отдельных странах, т. е. политическими или полуполитическими средствами войны и колонизации» [Hobsbawm, 1968]. Экспансия центра имела далеко идущие последствия для стран периферии мирового капитализма.

Осмысливая их, американский экономист, историк и социолог Андре Гюндер Франк разработал знаменитую концепцию развития отсталости (*development of underdevelopment*) [Frank, 1966]. В работе с соответствующим названием, составившей эпоху в мир-системном подходе, он обосновывает тезис о том, что проблема догоняющего развития является продуктом политики развитых стран. Большинство стран Азии, Африки и Латинской Америки к началу колонизации создали экономики с такой комбинацией различных производств, которые более-менее снабжали внутренний рынок основными товарами. Во всяком случае, они обеспечивали жизнь много-миллионного населения. Этим обществам была присуща относительная социальная стабильность. Хотя в их экономиках господствовал ручной труд, это были вполне жизнеспособные общества, сумевшие создать великие культуры мирового значения. Однако, превратившись в лишенные независимости, эксплуатируемые колонии, эти общества подверглись глубокой трансформации. Она касается как производства, так и классовой структуры. Во-первых, диверсифицированные экономики этих стран превращались в монокультурные. Теперь они производили сырьевую и сельскохозяйственную продукцию на экспорт в соответствии с потребностями метрополии.

Глубоко изменялась и социальная структура этих стран. Крестьян лишали доступа к земле. Под угрозой голода они были вынуждены идти работать на шахты и латифундии. Так формировался резерв дешевого труда. С другой стороны, из землевладельцев создавался класс компрадорской буржуазии. Его богатства создавались путем эксплуатации природных и трудовых ресурсов зависимых стран в целях обогащения капитала метрополий (рассматривая подобные правящие классы Латинской Америки, А. Франк употребил по отношению к ним термин «люмпен-буржуазия» [Frank, 1972]).

Наряду с неравноправной колониальной торговлей важную роль в мировом накоплении капитала сыграло рабство. Согласно ряду исследований, этот институт играл незаменимую роль в финансировании индустриализации капиталистических стран-метрополий в конце XVIII – начале XIX в. По данным А. Франка, в Индии от голода в 1800–1850 гг. умерли 1.4 млн чел., а в 1875–1900 гг. – уже 15 млн чел. [Williams, 1994:90]. Такова цена вовлечения этой страны в мировую торговлю на условиях британской колонии. Дело в том, что значительная часть ресурсов, которые прежде использовались для производства продовольствия, потреблявшегося собственным населением, была направлена теперь на производство продукции для экспорта в метрополию. Не меньше теорию А. Франка подтверждает и экономическая история Северной Америки.

Социально-экономическое развитие приняло здесь парадоксальный характер. С точки зрения природно-климатических условий южные штаты обладали гораздо большим потенциалом для экономического роста, чем северо-восточные, т. к. были наделены плодородными почвами и теплым климатом, а также располагали значительными запасами полезных ископаемых. Несмотря на это, юг континента оставался отсталым вплоть до второй половины XX в.

Накопление промышленного капитала и индустриальное развитие были характерны для севера страны [Dowd, 1956]. Подобный парадокс объясняется с точки зрения мир-системного подхода так же, как и отставание Индии. Благоприятные природные условия южных штатов создавали благоприятные возможности для процветания колониальной торговли. Все плодородные земли региона были превращены в плантации для производства хлопка, табака, пшеницы и других товаров для экспорта в Европу.

На юге Соединенных Штатов утвердилось рабство. Это противоречило декларациям о том, что свобода – главная ценность американского общества. Но к развитию рабства принуждала экономическая необходимость: в регионе просто не хватало свободных рабочих рук. Впрочем, процветание плантаторов имело жесткие ограничения. Поскольку экспорт в Европу происходил при посредничестве капитала северо-востока, то он брал свою долю доходов, что подрывало накопление местного капитала. Это и было главной причиной, препятствовавшей развитию промышленности на юге страны.

Впрочем, рабовладельцы вполне соперничали с элитой Европы по уровню роскоши. Зато северяне располагали преимуществом большей близости к тогдашнему центру мир-системы [Пашковский, 2022]. Нью-Йорк с самого начала освоения Нового Света выступал как посредник в торговле Старого и Нового Света. Это был своего рода локальный центр для двух Америк. Вот почему местный капитал наживался на каждой сделке с европейцами. Подобная структура отношений создала основу для накопления промышленного капитала и развития индустрии именно на северо-востоке США. «Несправедливость» положения, при котором капитал Севера паразитировал на «трудах» плантаторов Юга и был подлинной причиной гражданской войны в США в 1861–1865 гг.

По тому же пути зависимого развития шла и царская Россия, особенно после аграрной реформы 1861 г. Как известно, освобождение крестьянства от крепостной зависимости было осуществлено на условиях, выгодных землевладельцам. Крестьян наделили землей, но в таких ограниченных размерах, что они были вынуждены арендовать дополнительные участки у помещиков. В качестве оплаты они или уплачивали деньги, или обрабатывали господскую землю. Кроме того, крестьяне выплачивали выкупные платежи за свои скучные наделы и были главным податным сословием Российской империи. Особенно тяжелым бременем для русского крестьянства стала политика индустриализации. Царское правительство проводило ее за счет привлечения иностранного капитала. Его было необходимо заинтересовать твердой валютой. Выпуск подобной валюты должен был опираться на накопление золота и иностранной валюты. Источник этих доходов усматривался в экспорте зерна. Можно сказать, что зерно было «нефтью» того времени для России. Социальный смысл политики развития промышленности сверху, проводившейся царским правительством, был суммирован министром финансов страны Иваном Вышнеградским (1831–1895): «Сами недоедим, но вывезем!» Между тем российским экспортерам на европейском рынке приходилось конкурировать с поставками из Аргентины и США. А ведь в то время, как большинство российского зерна производилось в условиях высокорискового земледелия, у конкурентов были очень благоприятные климатические условия. Этим была обусловлена большая разница в издержках. В силу этого продукция российского крестьянства продавалась по низким ценам, зачастую ниже себестоимости. Подрыв развития крестьянского хозяйства стал ценой, которую страна уплатила за появление знаменитого золотого рубля Витте [Кагарлицкий, 2004; Лященко, 1956].

Иностранный капитал пошел в Россию на этих кабальных для российского крестьянства условиях. Промышленное развитие на основе бума железнодорожного строительства было бурным. Тем не менее отставание России от ее западных партнеров-соперников не только не сокращалось, но, наоборот, возрастало. Согласно имеющимся данным, в 1861 г. подушевой националь-

ный доход, выраженный в постоянных ценах, был выше, чем в России: в Великобритании – в 4,5, в США – в 6,3, в Германии – в 2,5, во Франции – в 2,1 раза. В 1913 г. этот разрыв составлял соответственно 4,9, 8,7, 3,1 и 2,5 раза [Gregory, 1982]. Экономическая основа этого отставания состоит в природе центро-периферических отношений, основанных на неэквивалентном обмене. Привлекая капитал центра на условиях периферийного капитализма, вы должны выплачивать больше ценностей, чем получаете.

Сказанное позволяет сделать вывод, что проблема социально-экономической отсталости носит не естественный, а рукотворный характер. Она навязывается обществам, оказавшимся в положении зависимой от центра периферии. Насаждение отсталости, как показывает рассмотренный выше исторический опыт, предполагает внедрение в зависимых странах трудозатратных производств на основе эксплуатации дешевой рабочей силы.

Неравноправные отношения центра и периферии мировой экономики вовсе не ушли в историю и являются отличительной чертой современного капитализма. Более того, в последние десятилетия доминирование развитых стран над развивающимися достигло своего апогея за всю человеческую историю. Это ярко проявилось в господствующей роли финансового-спекулятивного капитала в современной мировой экономике, в его преобладании над промышленным капиталом, породившим глобальный крах 2008–2010 гг. и последующую «великую стагнацию», во власти которой мир находится до сих пор.

Рубежом, разделившим период «золотого века» послевоенного капитализма и его постепенное, но неуклонное соскальзывание к современному кризису стала стагфляция начала 1970-х годов. К этому моменту послевоенное восстановление промышленности Западной Европы и Японии привело к обострению конкуренции на мировом капиталистическом рынке. Это вызвало долгосрочное падение прибыльности инвестиций в производство [Brenner, 2003]. Это не что иное, как перенакопление производительного капитала относительно платежеспособного спроса. Для понимания того, какую роль в развитии играет место стран в мировой иерархии, необходимо кратко рассмотреть вопрос о том, как мировой капитализм ответил на стагфляцию.

Если бы всемерное повышение производительности труда было главным методом капиталистического развития, то в ответ на падение прибыли начала 1970-х гг. развитые страны сделали магистралью своего развития внедрение технического прогресса. Действительность оказалась существенно иной. Современный капитализм сместил акцент с производственной функции к финансово-спекулятивной. Это породило явление так называемой финансализации, т. е. замещения производственного капитала спекулятивным. В апогее этого процесса в 2007 г. (т. е. в самый канун глобального краха) сумма капитализации рынков акций, долго-

вых обязательств и банковских активов превышала мировой ВВП в 4,4 раза. В тот же период теневой рынок пресловутых деривативов вырос до абсурдной цифры – почти 600 трлн долл. Это в 11 (!) раз выше мирового ВВП на тот момент [Birch, Mykhnenko, 2010]*. Подобное разбухание финансово-спекулятивного пузыря не могло бы произойти без подключения дополнительных источников финансов плюс к традиционным. На самом деле в 2000-е годы наблюдался буквально взрыв самых разнообразных видов кредита, включая потребительскую задолженность, студенческие займы, кредит на приобретение автомобилей, долги по кредитным карточкам и, конечно же, ипотеку. Благодаря столь стремительному росту задолженности населения развитых стран финансовым структурам удалось взять под контроль значительную долю доходов среднего класса и бедноты как в развитых, так и в развивающихся странах [Birch, Mykhnenko, 2010]. Этот процесс секьюритизации долговых обязательств** позволил финансовому капиталу распоряжаться уже не только текущими, но и будущими трудовыми доходами населения. Это и стало дополнительным источником накопления финансового капитала в современных условиях. Отчасти данный процесс компенсировал падение прибыли в производственном секторе экономики. Это имело весьма далеко идущие последствия для всей архитектуры международных экономических отношений.

Дело в том, что финансоваяизация стала главной предпосылкой глобального переноса материального производства из стран центра, прежде всего из США, в регионы периферии с низкой оплатой труда [Dicken, 2003]. В результате началась деиндустриализация развитых капиталистических стран, включая США. Мировой рынок рабочей силы пережил шоковое расширение. В 1990–2000-е гг. практически более 1,5 млрд новых рабочих из Китая, Индии и бывших советских республик пополнили мировой рынок труда, приведя к его удвоению [Freeman, 2010]. Результатом стала бурная индустриализация нескольких полупериферийных государств. Доля промышленной продукции в экспорте стран с низкими и средними доходами в страны с высокими доходами выросла с 20 % в 1980 г. до 80 % в 2003 г. [Blecker, Razami, 2006]. Можно было бы подумать, что наконец-то началось преодоление социально-экономической отсталости этими странами. Однако такой оптимистичный вывод был бы преждевременным. Чтобы понять это, необходимо рассмотреть механизм разделения труда, на условиях которого этот процесс происходил.

* Деривативы – это так называемые производные финансовые инструменты. Под этим термином подразумеваются финансовые активы, цена которых определяется стоимостью лежащих в их основе базовых активов. Невиданное распространение деривативов объясняется размахом спекуляций на рынках капитала.

** Секьюритизация (от англ. *securities* – ценные бумаги) долгов – это выпуск ценных бумаг под залог чьих-то долговых обязательств.

Как отмечается в одном исследовании, «правительства и многонациональные корпорации продвигали новую систему [мировой торговли], используя привычный язык свободной торговли, и утверждали, что их целью является создание глобального рынка. Однако действительной целью было скорее не развитие традиционного обмена товарами, а формирование глобальной зоны производства, в рамках которой корпорации могли бы создать плацдармы экспорта для снабжения рынков развитых стран [Palley, 2011]. Этот процесс отражает теория цепочек стоимости [Bair, 2009]. Их суть состоит в том, что ТНК разделяют процесс производства на отдельные звенья с различной величиной добавленной стоимости. Затем трудозатратные производства с низкой добавленной стоимостью передаются на аутсорсинг в регионы с низкой оплатой труда. В то же время так называемые ключевые компетенции, т. е. производства с высокой добавленной стоимостью – НИ-ОКР, маркетинг, дизайн, юридическое обслуживание, промоушен и т. д., – концентрируются у себя. Сегодня многие ТНК вообще не осуществляют никаких производственных функций [Milberg, 2009]. В иных случаях они предпочитают закупать полуфабрикаты и комплектующие у стран с низкими доходами. Это избавляет их от необходимости самим осуществлять производственные инвестиции, заниматься подготовкой персонала и т. д. Важнейшим преимуществом западных ТНК в формировании глобальных цепочек стоимости является то, что они выступают в них как монопсонии (монополисты-покупатели), в то время как поставщики из развивающихся стран вынуждены конкурировать между собой. Таким путем сбиваются цены на поставки сырья и комплектующих из стран периферии. В конечном счете дешевизна этих поставок обеспечивается низкой заработной платой рабочих развивающихся стран.

Таким образом, положение в мировой иерархии экономик – принадлежность к ее центру, периферии или полупериферии – во многом определяет возможности социально-экономического развития. Именно с этой точки зрения надо рассмотреть положение постсоветских обществ, включая современную Россию, чтобы понять их реальные возможности и факторы, определяющие их перспективы.

Постсоветский капитализм

Рыночные реформы в постсоветских обществах обычно рассматриваются в чисто организационно-техническом аспекте, при котором упускают социальные силы, стоявшие за преобразованиями. Профессор Кембриджского университета Дэвид Лейн предлагает иной подход. Он выделяет две основные социальные группы, способствовавшие падению советского строя и выигравшие от его перехода к капитализму [Lane, 2011].

Во-первых, это административный класс, включавший тех, кто при советской власти осуществлял административный контроль над производством, образованием и наукой. *Во-вторых*, это приобретательский класс, состоявший из представителей интеллигенции, заинтересованной в использовании рыночного механизма для монетизации своей квалификации. К этим двум социальным группам можно добавить так называемых цеховиков, т. е. советских предпринимателей черного рынка, чья деятельность постепенно усиливалась по мере углубления кризиса советского строя [Menshikov, 2005]. В течение многих лет эти группы населения не могли реализовать свои частные интересы, т. к. органам централизованного управления более-менее успешно удавалось контролировать хозяйственную жизнь. Однако их роль постепенно подрывалась благодаря росту влияния государственной и хозяйственной бюрократии. Лазейки для частного присвоения за счет распоряжения государственными ресурсами расширялись.

Признавая роль этих сил в подрыве советского строя, Д. Лейн выделяет еще и внешние силы, способствовавшие формированию нового общественного строя в постсоветских государствах на этапе рыночных реформ. Он называет эту силу «глобальным политическим классом». «...Через гегемонию западных правительств и международных организаций» он оказал решающее влияние на «создание капитализма и буржуазного класса собственников» [Lane, 2011] в России, да и в других бывших советских республиках. Разумеется, внешне реформы осуществляла группа высших российских государственных чиновников во главе с Е. Гайдаром. Однако «их консультировали, поддерживали и подталкивали высшие сотрудники администрации США и группа американских экономистов сходного мышления» [Pirani, 2010]. Такие неолиберальные экономисты, как Джейфри Сакс, Андрей Шлейфер и юрист Джонатан Хей, оказывали беспрецедентное влияние на экономические преобразования в России. Как отмечает специалист по России профессор Оксфордского университета Саймон Пирани, «американские советники вырабатывали политические меры с Гайдаром, Чубайсом и их коллегами, которые потом вписывались прямо в президентские указы. Каждое значимое экономическое решение ельцинского президенства было осуществлено именно таким образом. Парламент бывал обойден» [Pirani, 2010: 27].

Вот почему в основу реформ в России были положены принципы пресловутого «واشنطنского консенсуса». Они предполагают осуществление приватизации, урезание государственных расходов, в том числе на социальные нужды, либерализацию цен, внешнеэкономическую открытость, жесткую реструктивную денежную политику. Можно выразить эти меры в емкой формуле «либерализация плюс финансовая стабилизация». Известно, что «华盛顿ский консенсус» выражает интересы западного, прежде всего американского, финансового сообщества. Они включают «вскрытие»

экономик периферии для проникновения западного капитала. Достижению этой цели способствуют такие международные организации, как Всемирный банк, МВФ и ВТО. Страна, выбравшая этот путь, подвергается трансформации, отраженной в обсуждавшейся выше модели насаждения отсталости А. Франка. Нечто подобное произошло и с экономиками бывших советских республик.

Об этом, в частности, свидетельствует структура их внешней торговли. Как сказано выше, страны периферии мирового капитализма подвергаются трансформации структуры экономики, которая сводится к нескольким видам трудозатратных производств, создающих товары для экспорта в центр (рис. 1).

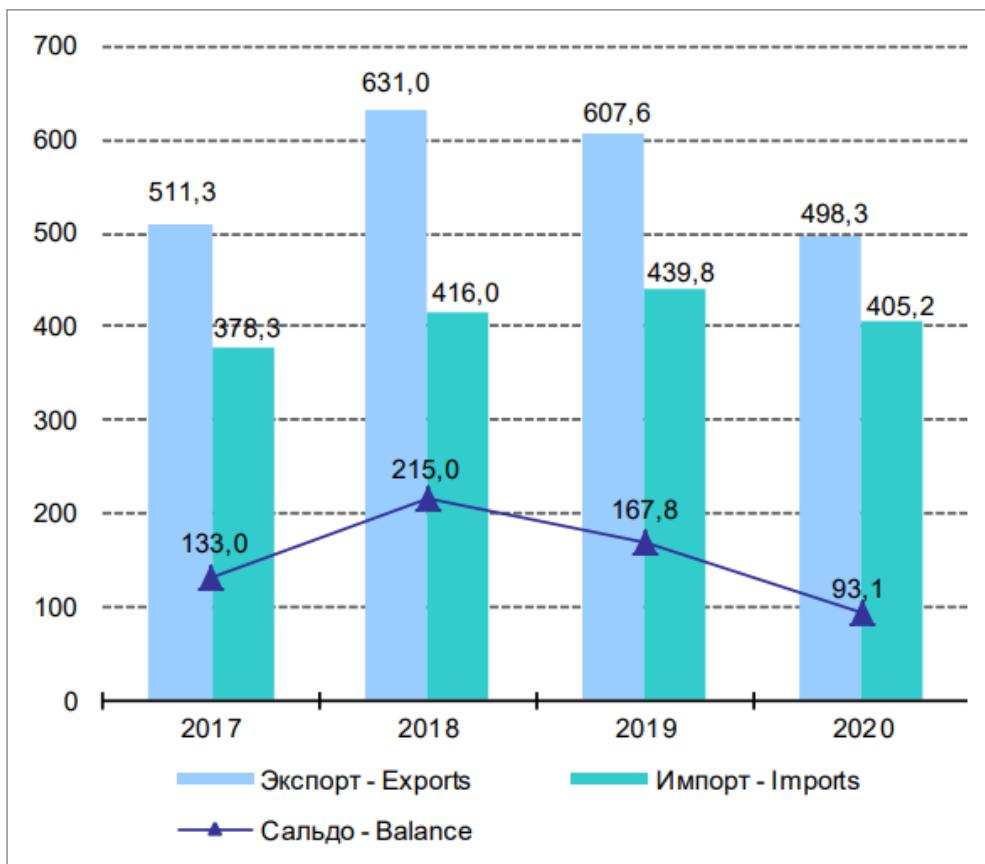

Рис. 1. Внешняя торговля стран СНГ в 2017–2020 гг. (млрд долл.)

Источник: Внешняя торговля стран СНГ и ЕС в 2017–2020 годах: краткий статистический сборник (Межгосударственный статистический комитет СНГ, с. 12)

Приведенные на рисунке данные показывают, что для республик бывшего СССР характерно систематическое активное сальдо внешней торговли, т. е. положительная величина чистого экспорта. Это означает, что рассматриваемые экономики систематически передают внешнему миру больше ресурсов, чем получают. Показательно сравнение этих данных с показателями ЕС. В масштабе их внешней торговли превышение экспорта над импортом является незначительным (там же), т. е. в процентном отношении к ВВП их положительная величина чистого экспорта невелика. Это неслучайно. Страны центра ориентированы на собственный рост. Экспорт им нужен лишь для того, чтобы заработать валюту для оплаты импорта (рис. 2).

Рис. 2. Основные продукты, экспортруемые из стран СНГ в остальной мир, %

Источник: Внешняя торговля стран СНГ и ЕС в 2017–2020 гг.: краткий статистический сборник (Межгосударственный статистический комитет СНГ, 2021, с. 29)

Данные, приведенные на диаграмме рисунка 2, показывают, что главные статьи экспорта постсоветских государств – это минеральные продукты и сырье, древесина, целлюлозно-бумажные изделия, камень и металлы, т. е. товары с низкой степенью передела сырья. Машины и оборудование, а также транспортные средства, т. е. продукция обрабатывающей промышленности, занимают какие-то жалкие проценты в структуре экспорта. Противоположная картина наблюдается со структурой импорта стран СНГ (рис. 3).

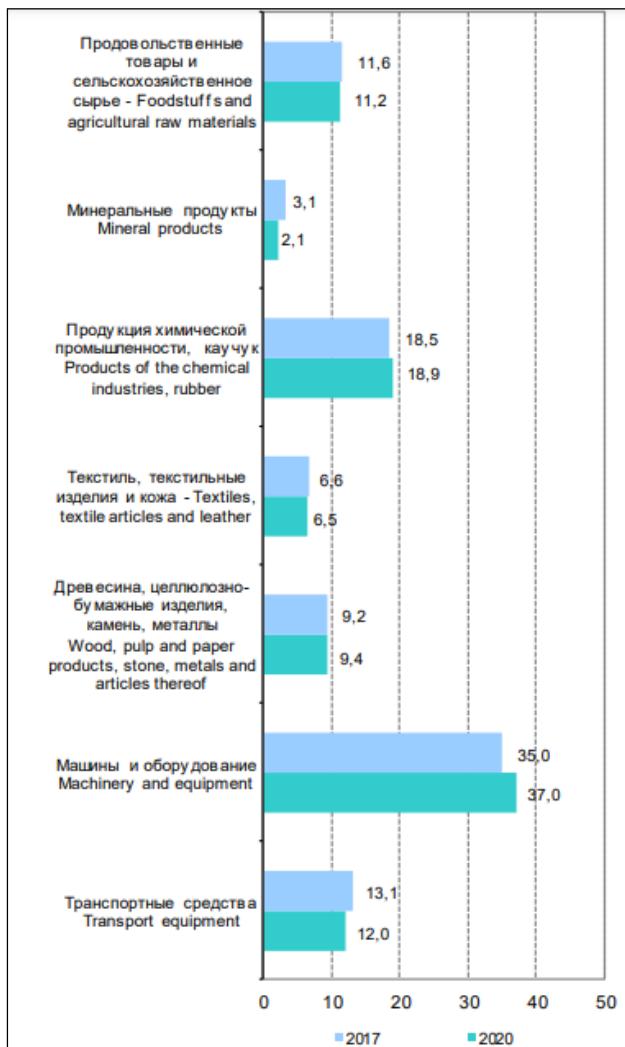

Рис. 3. Основные продукты, импортируемые странами СНГ из остального мира, %

Источник: Внешняя торговля стран СНГ и ЕС в 2017–2020 годах: краткий статистический сборник (Межгосударственный статистический комитет СНГ, 2021, с. 31)

Приведенные на рисунке 3 данные свидетельствуют, что постсоветские государства импортируют прежде всего машины и оборудование, транспортные средства, а также продукцию химического производства, т. е. товары с высокой добавленной стоимостью. Таким образом, структура внешней торговли стран СНГ демонстрирует типичные черты мировой периферии, снабжающей центр дешевым сырьем и приобретающей у него дорогие капитальные блага.

Возникает вопрос о том, как используются сбережения, создаваемые в результате столь односторонне выгодной не в нашу пользу внешней торговли. Данные об этом предоставляются российским ЦБ (рис. 4).

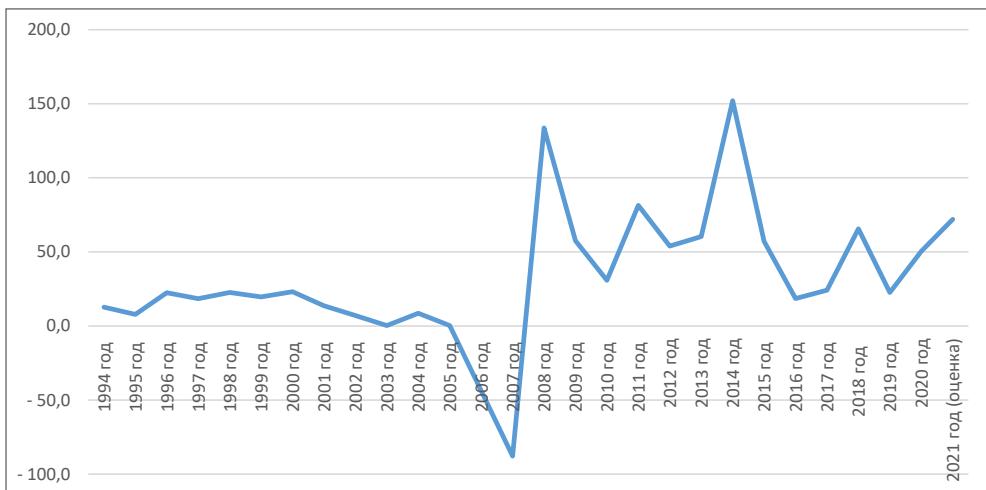

Рис. 4. Сальдо финансовых операций российского частного сектора, в млрд долл.

Источник: Центральный банк РФ. Финансовые операции частного сектора (<https://www.cbr.ru/vfs/statistics/bop/outflow>, дата обращения 11.04.2023)

Приведенные на рисунке 4 данные свидетельствуют, что вывоз частного капитала из России представляет собой устойчивую черту ее экономики. Исключение составляют всего два года – 2006-й и 2007-й, когда ввоз частного капитала доминировал. Однако начиная с 2010-х гг. чистый отток частного капитала из страны ежегодно исчисляется десятками миллиардов долларов, иногда достигая даже 150 млрд долл. Это еще одна коренная черта полупериферийной экономики. Еще одним важнейшим индикатором положения России в мировой экономике является ее роль в глобальных цепочках стоимости (в отечественной литературе получил распространение более точный термин «глобальные цепочки создания стоимости», или ГЦСС). Выше говорилось о том, что этот важнейший институт сформировал саму структуру современной мировой экономики. Именно в нем прежде всего выражается характер современных центро-периферических отношений.

Вхождение России в ГЦСС определяется ее положением в мировой экономике как страны полупериферийного капитализма. «Место России в ГЦСС отражает сырьевую структуру экономики и внешней торговли страны», – отмечает Е. Сидорова [Сидорова, 2018]. Это, в частности, подтверждается данными ВТО, которые отражают величину «внутренней добавленной стоимости, переданной третьим странам». Этот индикатор измеряет добавленную стоимость, созданную в стране и содержащуюся в промежуточном продукте (товарах и услугах), экспортруемых в страну-партнера, использующую их для создания конечного продукта с последующим экспортом в третью страну. По данной величине можно судить о вкладе страны в ГЦСС на основе продукции с низкой величиной добавленной стоимости. Этот показатель составлял в 2005 г. 33,5 % от всей добавленной стоимости, созданной в России, а в 2015 г. – 30,5 %¹. Таким образом, около трети всей добавленной стоимости, созданной в нашей стране, передается внешнему миру в форме сырья и полуфабрикатов, т. е. товаров с низкой степенью передела. Как показано выше, это невыгодные условия международного сотрудничества. Обратимся к таблице 1 ниже.

Таблица 1

Индекс участия в ГЦСС, 2015 год (доля в совокупном валовом экспорте, %)

	Российская Федерация	Развивающиеся экономики	Развитые экономики
Участие в ГЦСС	41,3	41,4	41,4
Восходящее участие	30,5	20,0	20,8
Нисходящее участие	10,8	21,4	20,6

Источник: Trade in Value-Added and Global Value Chains: Statistical Profiles. Russian Federation (2005–2015)

Индекс участия в ГЦСС позволяет сделать оценку того, насколько данная экономика связана с глобальными цепочками создания стоимости. Данный показатель включает два компонента, отражающих нисходящие и восходящие связи в глобальных цепочках производства. Отдельные страны участвуют в ГЦСС, экспортируя сырье и компоненты для производства партнерами товаров, предназначенных для поставок в третьи страны (восходящее участие), или импортируя их для той же цели (нисходящее участие). Представленные в таблице 1 данные свидетельствуют, что индекс участия России в ГЦСС в целом соответствует средним величинам для развиваю-

¹ Trade in Value-Added and Global Value Chains: Statistical Profiles. Russian Federation (2005–2015) // https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/miwi_e/RU_e.pdf, дата обращения 11.04.2023.

шихся и развитых стран. Однако если мы рассмотрим структуру данного показателя, то увидим совсем другую картину. Доля восходящего участия России в ГЦСС в совокупном экспорте составляет 30,5 %, что на порядок больше, чем у развивающихся (20,0 %) и развитых (20,8 %) стран. В то же время доля нисходящего участия России в ГЦСС в общей величине экспорта (10,8 %) примерно вдвое меньше, чем у первой группы стран (21,4 %) и у второй (20,6 %). В этом выражается тот факт, что Россия участвует в ГЦСС прежде всего и главным образом как поставщик сырья и продукции с низкой степенью передела сырья, как, например, поставки чугуна и минеральных удобрений.

Эти результаты подтверждаются и расчетами Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. Специалисты института оценили статистически связь между ростом экономик стран – партнеров России с увеличением спроса на ее продукцию на мировом рынке. Получилось, что «при росте выпуска в экономике США на 1000 долл. прямой мировой спрос на российскую продукцию растет всего на 3,5 долл., при аналогичном росте в Китае этот показатель чуть выше – 9,8 долл.» [Глобальные тенденции изменения структуры производства..., 2018]. Получается, что от роста мировой экономики наша страна получает незначительные выгоды. Этот факт отражает вхождение России в ГЦСС на весьма невыгодных условиях поставщика промежуточной продукции с низкой величиной добавленной стоимости.

Рассмотренные проблемы привели к существенному сокращению роли отечественной экономики в мировом хозяйстве в пореформенный период. Согласно некоторым оценкам, доля России в мировой экономике в не самом благоприятном для страны 1990 г., т. е. в самый канун краха Советского Союза, составляла 6,5 % [Динамика производительности труда и инвестиции..., 2020: 383]. По данным МВФ, доля России в мировом ВВП, исчисленном по паритету покупательной силы валюты, снизилась в 1992 г. до 4,836 %, а к 1998 г. упала и вовсе до 2,830 %. Как известно, в последующие годы начался восстановительный рост экономики страны на основе высоких цен на нефть. Однако доля России в мировом ВВП увеличилась лишь незначительно, достигнув в 2000 г. 3,056 %. В последующем этот показатель стабилизировался около этого уровня, составив в 2021 г. 3,075 % [International monetary fund, 2021].

Цифровизация, инвестиции и инновации в России

Одним из важнейших факторов, определяющих положение и дальнейшие перспективы страны в мировой экономике, является так называемая цифровизация. Этот термин еще не получил однозначной трактовки в экономической литературе. Можно обобщить высказываемые точки зрения в не очень точном понятии «внедрение цифровых технологий» в экономику.

Понятно, что это слишком общее выражение. Экономическая наука должна показать, чем явление цифровизации отличается от таких понятий, как «информационные технологии», «микропроцессорная техника», «внедрение современной электроники» и некоторых других терминов, принятых ранее. Кроме того, более широкий экономический и социальный контекст цифровизации должен быть соотнесен с понятиями «постиндустриальное общество» и «информационное общество». Несмотря на наличие нерешенных проблем в этой области, ряд авторов предлагают интересные обобщающие суждения по затронутым вопросам.

Так, Н. А. Ганичев и О. Б. Кошовец рассматривают дискуссию об определении цифровой экономики (ЦЭ) и эволюции данного понятия в научной литературе [Принуждение к цифровой экономике, 2021: 20]. Они выделяют три уровня исследуемого явления согласно методике ООН.

Во-первых, это ядро ЦЭ, или цифровой сектор, соответствующий определению сектора производства электронной продукции и оказания услуг информационно-коммуникационных технологий (ИКТ-услуг).

Во-вторых, это собственно цифровая экономика, к которой авторы относят не только цифровой сектор, но и «те сферы деятельности, которые не появились бы или не смогли бы существовать без использования ИКТ-технологий».

В-третьих, это цифровизированная экономика, т. е. различные виды хозяйственной деятельности, в организации и управлении которыми стали широко использовать оцифрованные данные. По оценкам *UNCTAD*, в 2019 г. вклад цифровой экономики в мировой ВВП составил от 4,5 до 15,5 % [Принуждение к цифровой экономике, 2021]. Разброс этой оценки, по-видимому, отражает сложную структуру данного явления, в котором, например, учет величины третьего компонента представляет значительные методологические трудности. Тем не менее очевидно, что объем цифровой экономики уже значителен и продолжает расти. По некоторым данным, внедрение технологий искусственного интеллекта должно уже к концу 2022 г. создать ценностей на 4 трлн долл. в масштабах мировой экономики [Цифровая экономика..., 2019].

Цифровизацию связывают с появлением и широким внедрением так называемых интеллектуальных машин (ИМ), под которыми подразумеваются интеллектуальные компьютеры и роботы с элементами искусственного интеллекта. Часто утверждается, что этот процесс должен привести к исчезновению чуть ли ни большинства существующих сегодня рабочих мест. Представляется более сбалансированным мнение, согласно которому, содержание труда будет меняться, дополняясь опорой на компьютерную технику. Так, А. А. Акаев и В. А. Садовничий показывают, что и в условиях широкого внедрения интеллектуальных машин люди будут продолжать выполнять большинство функций когнитивного характера. Подобные работы,

«как правило, могут быть фрагментированы на непрограммируемые задачи (50–75 %), требующие для их решения творческого человеческого труда, и рутинные программируемые задачи, которые могут быть использованы интеллектуальными машинами (ИМ)» [Акаев, Садовничий, 2021] Таким образом, будущее отечественной экономики, скорее всего, будет определяться не полной сменой имеющихся у нашего населения компетенций, а способностью нашей рабочей силы сочетать и синтезировать имеющиеся навыки с применением цифровых технологий. В связи с этим необходимо понять, где мы находимся сейчас по уровню освоения данных навыков сравнительно с другими странами мира.

Согласно результатам сравнительного анализа, проведенного авторитетным изданием *The Economist*, Россия занимает 16-е место в мировом рейтинге одного из главных экономических измерений цифровизации – готовности к автоматизации производства [*The Automation Readiness Index*, 2018]. Получается, что Россия принадлежит к группе государств с невысокой степенью готовности к внедрению робототехники. Подчеркнем, что речь здесь идет не о НИОКР или подготовке инженеров по данной специальности (область, в которой наша страна имеет значительный задел), а о готовности экономики внедрять подобные технологии.

Всемирный рейтинг цифровой конкурентоспособности по странам также показывает не самое высокое место России на данном сегменте мирового рынка [Индикаторы цифровой экономики, 2021: 26]. В 2020 г. наша страна заняла 43-ю позицию, откатившись на пять позиций ниже, чем в предыдущем году. Впереди оказалась даже такая не самая передовая держава, как Чили (41-я позиция). В то же время США вышли на 1-ю позицию, Республика Корея – на 8-ю, а Финляндия – на 10-ю. По такому показателю, как индекс развития электронного правительства, Россия оказалась на 36-м месте (Чили и здесь оказалась впереди), а по индексу электронной торговли заняла 41-е место, уступив в том числе Португалии, Латвии и Эстонии [Индикаторы цифровой экономики, 2021: 32, 35]. Важно подчеркнуть в то же время, что по такому субиндексу, как знания, Россия оказалась на 26-й позиции, то есть существенно выше места в рейтинге в целом. Однако по такому важнейшему индикатору, как технологии, наша страна заняла 47-ю позицию, то есть ниже ранга в целом [Индикаторы цифровой экономики, 2021: 26]. Этот разрыв говорит о многом. Он свидетельствует, что Россия по-прежнему располагает значительным научным заделом. Проблема в том, что он мало востребован бизнесом страны.

Опираясь на понятие «ядро цифровой экономики» или «цифрового сектора», рассмотренное выше, можно связать отставание России от своих зарубежных конкурентов в области цифровизации с развитием реального сектора страны, прежде всего с состоянием промышленности, ее динамики, а также процессов модернизации ее основных фондов. К сожалению,

послеформенный период в истории современной России характеризуется значительным упадком реального сектора. По некоторым данным, доля промышленности в ВВП России составляла: в 1990 г. – 40 %, в 2000 г. – 33 %, а в 2016 г. – лишь 26 % [Глобальные тенденции изменения структуры..., 2018]. По некоторым оценкам, за период 1991–2017 гг. в стране исчезло 78 тыс. средних и крупных промышленных предприятий. Даже в годы Великой Отечественной войны было уничтожено «всего лишь» 32 тыс. предприятий [Как обеспечить рост производства продукции, 2020]. Падение почти двукратное.

Особенно важно для развития страны состояние машиностроения. Экономики стран, которые занимают значительное место на мировом рынке машиностроения, характеризуются высокой долей данной отрасли в валовом продукте обрабатывающей промышленности. Согласно исследованию В. Н. Борисова, О. В. Почукаевой и К. Г. Почукаева, у таких лидеров мирового машиностроения, как Германия и Япония, доля этого сектора в продукции обрабатывающей промышленности составляет 42–44 %, у Китая этот показатель равен 33–34 %, а у США – 32 % [Отечественная инвестиционная техника на мировом рынке..., 2020: 4]. В связи с тем что современное машиностроение – это одна из самых высокотехнологичных и, следовательно, самых наукоемких и сложных отраслей современной промышленности, ни одна, даже самая развитая, страна не способна создавать все образцы ее продукции на мировом уровне качества. Кроме того, на мировом рынке отдельных видов машиностроения господствуют отдельные крупные корпорации, т. е. данный рынок весьма монополизирован. В силу этих обстоятельств развитые страны с диверсифицированными экономиками характеризуются как высоким экспортом машиностроения, так и его высоким импортом. Так, по исследованию тех же ученых, в Германии данная продукция обеспечивает 46–48 % совокупного экспорта и 32–36 % совокупного импорта, в США эти показатели составляют соответственно 35 и 40 %, в Японии – 60 и 28 %, в Китае – 37 и 42 % [Отечественная инвестиционная техника на мировом рынке..., 2020: 4]. Такова структура экспорта и импорта динамичных экономик с развитой обрабатывающей промышленностью.

На этом фоне особенно тревожно выглядит констатация того, что одной из важнейших причин упадка обрабатывающей промышленности России является деградация инвестиционного машиностроения. Именно этот сектор является двигателем экономического роста и одним из определяющих факторов инноваций и цифровизации. В связи с этим А. К. Корнев и С. И. Максимцова отмечают, что «деградация ключевых и отраслевых производств инвестиционного машиностроения, удорожание производимой продукции обрабатывающей промышленности, сокращение ее доходов и невозможность осуществления необходимого объема импортных инвестиций привели... к деградации производственного аппарата ее предприятий,

нехватке финансовых средств для его обновления и модернизации» [Отечественная инвестиционная техника на мировом рынке..., 2020: 4]. Этот процесс имеет важное мирохозяйственное измерение.

В самом деле, важным фактором, определяющим процессы модернизации в российской экономике, является ее импортозависимость. Согласно имеющимся исследованиям, «снижение зависимости российской экономики от потребительского импорта», происходившее после 2013 г., т. е. в период санкционного давления на нашу страну и резкого обесценения рубля, «сопровождалось усилением импортозависимости происходивших в ней инвестиционного и производственного процессов» [Технологическая зависимость, 2018: 20]. Этот неблагоприятный процесс связывают с негативными изменениями структуры отечественного машиностроения, приобретшими особенно устойчивый характер после 2006 г. Речь идет о росте спроса отечественных предприятий на оборудование для сборочных производств потребительской продукции, сопровождавшемся снижением спроса на инвестиционные товары для полной цепочки производства. Важнейшим пороком отечественного машиностроения является низкая доля выпускаемого им оборудования, соответствующего мировым стандартам. По результатам обследования менеджмента российских предприятий, регулярно осуществляемых Институтом народнохозяйственного прогнозирования РАН, выяснилось следующее. На вопрос «Есть ли среди нужных вашему предприятию машин и оборудования российского производства такие образцы, которые не уступают по качеству своим аналогам из дальнего зарубежья? (сумма ответов = 100 %)» в ноябре-декабре 2020 г. 50,39 % респондентов ответили: «Есть, но мало», 37,8 % – «Нет» и лишь 11,81 % – «Есть, и довольно много». В тот же период 56,8 % управленцев показали, что разрыв качества между российским и импортным оборудованием в последние годы не уменьшился, а 28 % – что он даже увеличился не в нашу пользу [Российские предприятия осенью 2020 г..., 2021: 152]. Эти результаты объясняют, почему, по данным О. Березинской и Д. Щелоковой, доля инвестиционных товаров в общем объеме импорта страны выросла с 17 % в 2006 г. до 26,7 % в 2018 г. [Технологическая зависимость..., 2018: 21].

Вопрос об импортозависимости российских промышленных предприятий был также предметом исследования, проведенного в 2015 г. [Импортозависимость и импортозамещение..., 2016: 25]. Полученные результаты показали низкий уровень потребления импорта отечественной промышленностью, который существенно ниже уровня западноевропейских предприятий. Однако почти две трети респондентов сообщили, что их организации в существенной степени зависят от зарубежных поставок машин и оборудования. Исследование показало, что зависимость от импорта больше характерна для высокотехнологичных предприятий страны. Главная причина

этого заключается в том, что отечественное машиностроение, как сказано, не поставляет оборудование, сопоставимое по качеству с импортным.

Результатом этих процессов, является то, что состояние основных фондов страны внушает значительные опасения. По имеющимся данным, степень износа основных фондов в целом по экономике составляла в 2000 г. 39,3 %, а в 2018 г. достигла 47,4 %. При этом удельный вес полностью изношенного оборудования равнялся 27 % в 2017 г. Это неудивительно, если принять во внимание, что за 2000–2017 гг. коэффициент выбытия основных фондов в сопоставимых ценах упал с 1,3 до 0,7 %. Особенно печально выглядит возрастная структура основных фондов промышленности. Так, доля оборудования в возрасте до 5 лет сократилась за четверть века, в 1990–2015 гг., вдвое, упав с 29,4 до 15 %. В 2015 г. доля оборудования в возрасте более 15 лет составляла 27 %, а в возрасте более 20 лет – 12 % [Динамика производительности труда, 2020: 385].

На этом фоне неудивительно, что фондовооруженность (величина основного капитала на одного работника) в российской экономике в целом примерно в три раза уступает тому же показателю по американской экономике. Сектор отечественной обрабатывающей промышленности по рассматриваемому критерию составляет около 18 %, добывающей – чуть более 14 %, а сельского хозяйства – 16 % от американского уровня [Алексеев, 2020: 37]. Согласно имеющимся оценкам, для достижения уровня фондовооруженности на работника развитых стран России необходимо инвестировать в сельское хозяйство 152,6 млрд долл., в добывающую промышленность – 508,2 млрд долл., а в обрабатывающие производства – 878,8 млрд долл. [Алексеев, 2020: 40].

* * *

Таким образом, закономерности центро-периферических отношений, рассмотренные сквозь призму мир-системного подхода, оказались полностью применимы и к России. Трансформация отечественной экономики проявилась прежде всего в неблагоприятных структурных сдвигах, проявившихся в упадке обрабатывающей промышленности и росте доли добывающих производств. Это прямой результат вхождения страны в мировой рынок на условиях в лучшем случае полупериферии. На этом фоне упала привлекательность вложений в обрабатывающую промышленность. Даный факт проявился в низком уровне инвестиционной активности российских предприятий. Еще более тревожно низкое качество отечественных инвестиций в производственные мощности. Оно отражает невысокую инновационную активность наших предприятий. Экспортная модель экономического роста на основе вывоза энергоресурсов и другой продукции низкого передела давала ограниченные результаты, обеспечивая экономический рост на основе не самой прогрессивной отраслевой структуры эко-

номики. Однако по историческим меркам все радикально изменилось после глобального финансового краха и спада мировой экономики 2008 – 2010 гг.

После относительного восстановления мирового ВВП устойчивый рост не возобновился. Наоборот, мир оказался во власти «великой стагнации». Теперь глобальный рынок стагнирует. Именно на этом историческом фоне обострилась геополитическая борьба на мировой арене, частью которой стали беспрецедентные попытки изолировать Россию. Благодаря наличию азиатского вектора мирохозяйственной ориентации страны политика ее выдавливания из мировой экономики имеет свои сильные ограничения. Более того, разрыв части наших связей с партнерами при всей болезненности для текущего положения страны может иметь и положительные стороны. Они связаны с возможностью выхода России из односторонне выгодных Западу экономических связей. Например, уже сейчас ряд принятых правительством мер ограничивает вывоз частного капитала из страны. Снижение планов вывоза энергоресурсов создает предпосылки для возрождения обрабатывающей промышленности. Однако подобные перспективы надо суметь осуществить, ибо восстановление экономического роста может быть достигнуто только на новой основе.

Представляется, что только расширение внутреннего спроса может хотя бы отчасти компенсировать стагнацию мирового рынка и выдавливание России с него. Оно требует изменения распределения национального дохода в пользу наемных работников. Рост спроса на продукцию производителей, направленных на внутреннего потребителя, – это главная предпосылка подъема обрабатывающей промышленности. Он, в свою очередь, должен существенно повысить спрос на продукцию отечественного инвестиционного машиностроения. Этот структурный сдвиг повысит потребность в инновациях и их главной современной форме – цифровых технологиях. Путь к этому связан с формированием ГЦСС полного цикла – от добычи сырья до создания конечной продукции – на территории нашей страны. Таким образом, добавленная стоимость будет оставаться в России. Формирование подобных производственных структур не произойдет стихийно. Институциональные предпосылки данного процесса могут возникнуть в рамках современной отечественной модели индикативного планирования. Ее можно разработать на основе переосмысливания советского опыта экономического роста, включая период НЭПа, и различных моделей сочетания плана и рынка в странах БРИКС, таких как Китай и Индия. В рамках подобной модели, ориентированной на внутреннее развитие, найдется место и для экспорта. Но он не будет более главным инструментом обеспечения экономического роста. Экспорт, в том числе и энергоресурсов, будет развиваться лишь в той мере, в которой необходимо оплачивать импорт потребительских благ и оборудования, необходимых для развития отечественной экономики. Это будет достойный ответ на исторические вызовы, с которыми столкнулась современная Россия.

Список литературы

- Bair J.* (ed.), 2009. Frontiers of commodity chain research. Stanford, Calif.: Stanford University Press.
- Birch K., Mykhnenko V.*, 2010. Introduction // The rise and fall of neoliberalism. The collapse of an economic order? London, New York: Zed books. P.13.
- Blecker R., Razami A.*, 2006. Developing Country Exports of Manufactures: Moving Up the Ladder to Escape the Fallacy of Composition? / American University, Department of Economics. WP 2006-06. P. 45.
- Brenner R.*, 2003. The boom and the bubble. The US and the world economy. London, New York: Verso. Pp. 7–47.
- Dicken P.*, 2003. Global shift: reshaping the global economic map in the 21-st century. London etc.: SAGE publications Inc.
- Dowd D.*, 1956. A comparative analysis of economic development in the American West and South // The journal of economic history. Vol. 16. No. 4 (December). Pp. 558–574.
- Frank A.*, 1966. The development of underdevelopment // Monthly review. Vol. 18. No. 4. Pp. 17–31.
- Frank A.*, 1972. Lumpen-Bourgeoisie: Lumpen-development. Dependence, Class, and Politics in Latin America. New York and London: Monthly Review Press.
- Frank A.*, 1978. Dependent accumulation and underdevelopment. New York: Monthly Review Press. 472 p.
- Freeman R.*, 2010. What really ails Europe (and America): the doubling of the global workforce // <http://www.theglobalist.com/storyid.aspx?StoryId=4542>, дата обращения 12.04.2023.
- Gregory P.*, 1982. Russian National Income, 1885–1913. Cambridge: Cambridge University Press. Pp. 155–157.
- Hobsbawm E.*, 1968. Industry and empire. Harmondsworth, Middlesex, UK: Penguin Books Ltd. P. 48.
- International monetary fund. World economic outlook database // <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/October/weo-report>, дата обращения 11.04.2023.
- Lane D.*, 2011. Elites and classes in the transformation of state socialism. New Branswick (USA), London (UK): Transaction publishers // <https://doi.org/10.4324/9781351297325>.
- Menshikov S.*, 2005. The Anatomy of Russian Capitalism // Challenge. No. 48 (2). P. 67–89. DOI:10.1080/05775132.2005.11034289.
- Milberg W.*, 2009. Shifting sources and uses of profits: sustaining U.S. financialization with Global Value Chains // Economy and Society. Vol. 37. P. 420–451 // <https://doi.org/10.1080/03085140802172706>.

Palley Th., 2011. The rise and fall of export-led growth / The Levy Institute of Economics, Bard College. WP. No. 675 (July). P. 9.

Pirani S., 2010. Change in Putin's Russia. Power, money and people. London: Pluto Press. P. 240 // <https://doi.org/10.2307/j.ctt183p7qr>.

Williams E., 1994. Capitalism and slavery. Chapel Hill and London: The University of North Carolina Press.

The Automation Readiness Index. Who is Ready for the Coming wave of Automation? London: The Economist. The Intelligence Unit Report. 2018. P. 10.

Trade in Value-Added and Global Value Chains: Statistical Profiles. Russian Federation (2005–2015) // https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/miwi_e/RU_e.pdf, дата обращения 11.04.2023.

Акаев А. А., Садовничий В. А., 2021. Человеческий фактор как определяющий производительность труда в эпоху цифровой экономики // Проблемы прогнозирования. № 1. С. 45–58. С. 45.

Алексеев А. В., 2020. О повышении рыночной стоимости основного капитала в России // Проблемы прогнозирования. № 5. С. 33–45.

Березинская О., Щелокова Д. 2018. Технологическая зависимость от импорта и перспективы импортозамещения в российской промышленности // Экономическое развитие России. Т. 25. № 1 (январь – февраль). С. 20–26 // <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3122986>.

Борисов В. Н., Почукаева О. В., Почукаев К. Г., 2020. Отечественная инвестиционная техника на мировом рынке: динамика и структурные сдвиги. // Проблемы прогнозирования. № 5. С. 3–13.

Ганичев Н. А., Кошовец О. Б., 2021. Принуждение к цифровой экономике: как изменится структура цифровых рынков под влиянием пандемии COVID-19? // Проблемы прогнозирования. № 1. С. 19–35. DOI:10.47711/0868-6351-184-19-35.

Гусев М. С., Широк А. А., Ползиков Д. А., Янтовский А. А., 2018. Глобальные тенденции изменения структуры производства и доходов в мире и России // Проблемы прогнозирования. № 6. С. 38–50. С. 41.

Кагарлицкий Б., 2004. Периферийная империя. Россия и миросистема. М.: Ультра. Культура. С. 318–404.

Лященко П., 1956. История народного хозяйства СССР. 4-е изд. Т. 1–2. М.: Госполитиздат. 656 с.

Корнеев А. К., Максимцова С. И., 2020. Как обеспечить рост производства продукции обрабатывающей промышленности // Проблемы прогнозирования. № 5. С. 108–119.

Кувалин Д. Б., Зинченко Ю. В., Лавриненко П. А., 2021. Российские предприятия осенью 2020 г.: деятельность в условиях пандемии COVID-19 и взгляды на переход к наилучшим доступным технологиям (НДТ) // Проблемы прогнозирования. № 3. С. 145–158.

Лавровский Б. Л., Горюшкина Е. А., 2020. Динамика производительности труда и инвестиции. Эмпирические наблюдения // Вестник Российской академии наук. Т. 90. № 4. С. 381–389. DOI: 10.31857/S0869587320010089.

Пашковский П. И., 2022. Опыт и перспективы взаимодействия России и современной мир-системы // Проблемы постсоветского пространства. № 9 (3). С. 327–337 // <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-3-327-337>.

Сидорова Е., 2018. Россия в глобальных цепочках создания стоимости // Мировая экономика и международные отношения. Т. 62. № 9, С. 71-80. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-9-71-80.

Симачев Ю., Кузык М., Зудин Н., 2016. Импортозависимость и импортозамещение в российской обрабатывающей промышленности: взгляд бизнеса // Форсайт. Т. 10. № 4. С. 25-45. DOI: 10.17323/1995-459X.2016.4.25.45.

Индикаторы цифровой экономики. Статистический сборник, 2021 / Минцифры России, Федеральная служба государственной статистики, НИУ ВШЭ. М. С. 26.

Цифровая экономика: от теории к практике. Как российский бизнес использует искусственный интеллект / РАЭК/НИУ ВШЭ. М. С. 16.

DZARASOV Ruslan S., D. Sc. (Economics), Professor of the Department of Economic Theory of the Financial University under the Government of the Russian Federation

Address: 49, Leningradsky Ave., 125993, Moscow, Russian Federation.

E-mail: dzarasovr@gmail.com

SPIN-code: 4232-1066

RUSSIA'S PLACE IN THE GLOBAL ECONOMY, INVESTMENT AND INNOVATION IN THE ERA OF DIGITALIZATION

DOI: 10.48137/26870703_2023_22_2_72

Received: 11.05.2023.

For citation: Dzarasov R. S., 2023. Russia's Place in The Global Economy, Investment and Innovation in The Era of Digitalization. – Geoeconomics of Energetics. № 2 (22). P. 72-99. DOI: 10.48137/26870703_2023_22_2_72

Key words: world-system approach, economic growth, investments, innovations, digitalization.

Abstract

The paper raises the crucial for the modern Russia issue of the influence of the position of the country at the world market for its economic development. Methodological framework of analysis is based on the world-system theory, which puts emphasis on domination of the developed countries (the core) over the developing countries (the periphery). Basing on a large body of empirical data the authors demonstrate such negative repercussions of the semi-peripheral position of the country in the world economy as: structural shifts in favor of extracting industries at the expense of the manufacturing, low scale and quality of the productive investments of the Russian enterprises, weak interest of the Russian business in innovations and digitalization of economy. The authors conclude that in conditions of unprecedented pressure on Russia through sanctions there are prospects for our country to break free from the shackles of unfavorable external economic ties.

References

Bair J. (ed.)., 2009. Frontiers of commodity chain research. Stanford, Calif.: Stanford University Press. (In Eng.)

Birch K., Mykhnenko V., 2010. Introduction // The rise and fall of neoliberalism. The collapse of an economic order? London, New York: Zed books. P. 13. (In Eng.)

Blecker R., Razami A., 2006. Developing Country Exports of Manufactures: Moving Up the Ladder to Escape the Fallacy of Composition? / American University, Department of Economics. WP 2006-06. P. 45. (In Eng.)

- Brenner R.*, 2003. The boom and the bubble. The US and the world economy. London, New York: Verso. Pp. 7–47. (In Eng.)
- Dicken P.*, 2003. Global shift: reshaping the global economic map in the 21-st century. London etc.: SAGE publications Inc. (In Eng.)
- Dowd D.*, 1956. A comparative analysis of economic development in the American West and South // The journal of economic history. Vol. 16. No. 4 (December). Pp. 558–574. (In Eng.)
- Frank A.*, 1966. The development of underdevelopment // Monthly review. Vol. 18. No. 4. Pp. 17–31. (In Eng.)
- Frank A.*, 1972. Lumpen-Bourgeoisie: Lumpen-development. Dependence, Class, and Politics in Latin America. New York and London: Monthly Review Press. (In Eng.)
- Frank A.*, 1978. Dependent accumulation and underdevelopment. New York: Monthly Review Press. 472 p. (In Eng.)
- Freeman R.*, 2010. What really ails Europe (and America): the doubling of the global workforce // <http://www.theglobalist.com/storyid.aspx?StoryId=4542>, accessed 12.04.2023. (In Eng.)
- Gregory P.*, 1982. Russian National Income, 1885–1913. Cambridge: Cambridge University Press. Pp. 155–157. (In Eng.)
- Hobsbawm E.*, 1968. Industry and empire. Harmondsworth, Middlesex, UK: Penguin Books Ltd. P. 48. (In Eng.)
- International monetary fund. World economic outlook database // <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/October/weo-report>, accessed 11.04.2023. (In Eng.)
- Lane D.*, 2011. Elites and classes in the transformation of state socialism. New Branswick (USA), London (UK): Transaction publishers // <https://doi.org/10.4324/9781351297325>. (In Eng.)
- Menshikov S.*, 2005. The Anatomy of Russian Capitalism // Challenge. No. 48 (2). P. 67–89. DOI:10.1080/05775132.2005.11034289. (In Eng.)
- Milberg W.*, 2009. Shifting sources and uses of profits: sustaining U.S. financialization with Global Value Chains // Economy and Society. Vol. 37. P. 420–451 // <https://doi.org/10.1080/03085140802172706>. (In Eng.)
- Palley Th.*, 2011. The rise and fall of export-led growth / The Levy Institute of Economics, Bard College. WP. No. 675 (July). P. 9. (In Eng.)
- Pirani S.*, 2010. Change in Putin's Russia. Power, money and people. London: Pluto Press. P. 240 // <https://doi.org/10.2307/j.ctt183p7qr>. (In Eng.)
- Williams E.*, 1994. Capitalism and slavery. Chapel Hill and London: The University of North Carolina Press. (In Eng.)
- The Automation Readiness Index. Who is Ready for the Coming wave of Automation? London: The Economist. The Intelligence Unit Report. 2018. P. 10. (In Eng.)

Trade in Value-Added and Global Value Chains: Statistical Profiles. Russian Federation (2005–2015) // https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/miwi_e/RU_e.pdf, accessed 11.04.2023. (In Eng.)

Akaev A. A., Sadovnichy V. A., 2021. The human factor as determining labor productivity in the era of the digital economy // Problems of Forecasting. No. 1. Pp. 45–58. (In Russ.)

Alekseev A. V., 2020. On the increase in the market value of fixed capital in Russia // Problems of Forecasting. No. 5. Pp. 33–45. (In Russ.)

Berezinskaya O., Shchelokova D., 2018. Technological dependence on imports and prospects for import substitution in Russian industry // Economic Development of Russia. Vol. 25. No. 1 (January – February). Pp. 20–26 // <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3122986>. (In Russ.)

Borisov V. N., Pochukaeva O. V., Pochukaev K. G., 2020. Domestic investment equipment on the world market: dynamics and structural shifts. // Problems of Forecasting. No. 5. Pp. 3–13. (In Russ.)

Ganichev N. A., Koshevets O. B., 2021. Forcing the digital economy: How will the structure of digital markets change under the influence of the COVID-19 pandemic? // Problems of Forecasting. No.1. Pp. 19–35. DOI:10.47711/0868-6351-184-19-35. (In Russ.)

Gusev M. S., Shirov A. A., Polzikov D. A., Yantovsky A. A., 2018. Global trends in the structure of production and income in the world and Russia // Problems of Forecasting. No. 6. Pp. 38–50. Pp. 41. (In Russ.)

Kagarlitsky B., 2004. A peripheral empire. Russia and the world system. Moscow: Ultra. Culture. Pp. 318–404.

Lyashenko P., 1956. History of the National Economy of the USSR. 4th ed. Vol. 1–2. Moscow: Gospolitizdat. 656 pp. (In Russ.)

Kornev A. K., Maksimtsova S. I., 2020. How to ensure the growth of manufacturing production // Problems of Forecasting. No. 5. Pp. 108–119. (In Russ.)

Kuvalin D. B., Zinchenko Yu. V., Lavrinenco P. A., 2021. Russian enterprises in autumn 2020: activities in the context of the COVID-19 pandemic and views on the transition to the best available technologies (BAT) // Problems of Forecasting. No. 3. Pp. 145–158. (In Russ.)

Lavrovsky B. L., Goryushkina E. A., 2020. Dynamics of labor productivity and investments. Empirical observations // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Vol. 90. No. 4. Pp. 381–389. DOI: 10.31857/S0869587320010089. (In Russ.)

Pashkovsky P. I., 2022. Experience and Prospects of Interaction between Russia and the Modern World System // Post-Soviet Issues. No. 9 (3). Pp. 327–337 // <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-3-327-337>. (In Russ.)

Sidorova E., 2018. Russia in global Value chains // World economy and international relations. Vol. 62. No. 9. Pp. 71–80. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-9-71-80. (In Russ.)

Simachev Yu., Kuzyk M., Zudin N., 2016. Import dependence and import substitution in the Russian manufacturing industry: a business view // Foresight. Vol. 10. No. 4. Pp. 25–45. DOI: 10.17323/1995-459X.2016.4.25.45. (In Russ.)

Indicators of the digital economy. Statistical Collection, 2021 / Ministry of Finance of Russia, Federal State Statistics Service, HSE. Moscow. P. 26. (In Russ.)

Digital Economy: from theory to practice. How Russian business uses artificial intelligence. // RAEK/HSE. Moscow. P. 16. (In Russ.)